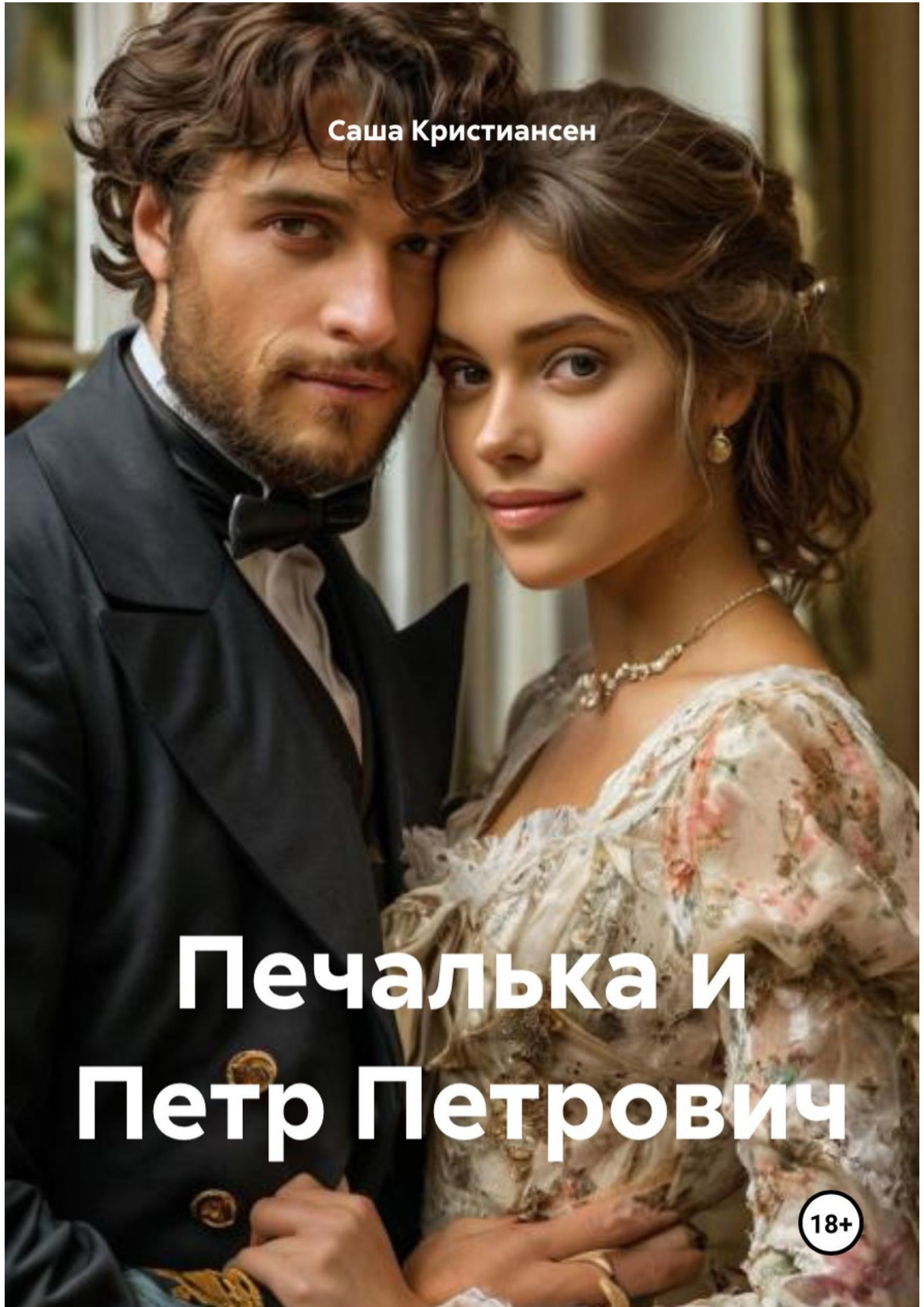

Саша Кристиансен

Печалька и Петр Петрович

18+

Саша Кристиансен
Печалька и Петр Петрович

«Автор»

2026

Кристиансен С.

Печалька и Петр Петрович / С. Кристиансен — «Автор», 2026

Провинциалка Софи выходит замуж за молодого московского графа Петра Петровича, и переезжает из Саратовской губернии в семейный особняк семьи Астаховых. Она не знает еще, что муж ее - ревнивец, каких свет не видывал. Не подозревает она также, что два младших брата Петра Петровича, Иван и Феликс, вскоре влюбятся в нее, и ей ничего не останется, как ответить им взаимностью. Петр Петрович узнает о неверности своей молодой супруги, и наказывает Софи. Этот любовный роман является первым из пяти романов о братьях Астаховых и их любовных перипетиях. Действие происходит в середине девятнадцатого века

© Кристиансен С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Печалька и Петр Петрович

Глава 1

Однажды на балу в доме князей А..., я увидела необыкновенно красивого молодого человека. Он был как картинка из модного французского журнала: высокий, статный, с копной иссиня-черных волос, а когда наши взгляды встретились, я просто обмерла от восторга. Его глаза были подобны двум полевым колокольчикам в стакане со льдом. Я никогда и нигде не видела таких ярко-голубых глаз, какие были у этого незнакомца. Потом я потеряла его в толпе, а когда пришло время танцевать кадрили, мой старший брат сказал мне:

-Софи, хочешь танцевать с моим товарищем по университету? Иди, я вас представлю друг другу... Это граф Петр Петрович Астахов... Петр, вот моя младшая сестра Софи, она только что согласилась танцевать с тобой кадрили...

Я подняла глаза и обомлела. Передо мной стоял молодой человек с глазами синими, как полевые колокольчики. Это и был Петр Петрович Астахов. До самого вечера мы не выпускали друг друга из объятий, все свои вальсы, мазурки и польки я безусловно отдала ему. Тем же вечером, граф Астахов оказался у нас дома, в Привольном, нашем тихом поместье близ Саратова, на берегу большого пруда, что был вырыт еще моим прадедом лет сто назад. До самой ночи мы с Петром Петровичем разговаривали и смеялись, а когда вышли с сад, было уже полночь. И здесь, в нашем саду, на густой траве под яблонями, все и случилось между нами. Сначала, Петр Петрович положил свою студенческую куртку на траву, и мы сели на нее, собираясь смотреть на звезды. Потом оказалось, что звезд под ветвями старых яблонь не видно никаких. И вдобавок, мне по макушке ударило большое антоновское яблоко, свалившееся со старой яблони. Я чуть не заплакала, но Петр принялся целовать мою ушибленную макушку, потом мои виски, вслед за этим - мочки ушей, шею, грудь у ворота моего платья, и так далее, пока не добрался до моего пупка. Добравшись до этой заветной грани, Петр Петрович засунул внутрь моего пупка свой язык, и мне стало так щекотно, что я не обратила никакого внимания, когда Петя стянул с меня панталоны.

-Софи, будьте моей... прямо сейчас, прямо здесь... - поспешно говорил мой новый знакомый. Он прижался ко мне, и я почувствовала напряженную мужскую плоть под тканью его летних бриджей. Даже на задумываясь, я освободила его напряженный член из заточения, и слегка развела свои бедра, как бы приглашая Петра Петровича зайти внутрь. Я знала, что, скорее всего, я видела этого незнакомца с глазами как колокольчики первый и последний раз в своей жизни. И все же, я не могла отказать себе с этим удовольствием, завладеть таким красавцем, что встречаются только на обложках модных французских журналов. И я завладела им. А он завладел мной. Мы были упоительно счастливы еще минут двадцать, пока не раздался голос маменьки, звавший меня с веранды:

-Софи! Сколько можно мерзнуть в саду? Ступай в комнаты!

Незнакомец поцеловал меня и был таков. Я же пребывала в полной уверенности, что не увижу его больше никогда.

После утреннего чая папенька вдруг вызвал меня к себе в кабинет. Я шла, и коленки мои подкашивались. Я совсем забыла, что окно папенькиного кабинета выходит в яблоневый сад, так что отец мог видеть мое давешнее падение, проснувшись рано на рассвете и выглянув из своего окна. И точно, войдя в кабинет, я сразу поняла, что папенька не в духе. В правой руке у него был узкий плетеный ремень, который не предвещал мне совершенно ничего хорошего.

-Софи, ты что себе позволяешь?! - начал допрос папенька, - Ты это с кем под яблоней... загорала с утра?? А ну, отвечай!!

-Папенька, вы меня пороть будете? - спросила я, немного дрожащим голосом.

-Ну а что с тобой, маленькой поганкой, еще делать? Давненько я тебя ремешком не потчевал! Оголяй себе задницу! - командует мне папенька.

-Папенька, ну не надо меня по голой попе стегать... - умоляю я отца, - Папенька, простите, я больше так не буду!

-С голой попой давеча под яблоней лежала, с тем гусаром? - припомнил мне папенька, ошибочно приняв Петра Петровича за военного, - Вот по этой самой голой попе я тебе ремня и выдам! Спускай свои шальвары! На колени, мерзавка!

Глава 2

Догадавшись, что расправы все равно не избежать, я приподняла подол платья до талии, приспустила свои шелковые шаровары и опустилась на колени перед отцом, подставила свою голую попу для наказания. Отец подошел ко мне, взял меня за ворот платья, так чтоб я не смогла вырваться, и стегнул мой зад ремнем.

- Папа! Не надо! - Всхлипнула я. Меня уж года два или три не наказывали ремнем, с тех самых пор, как меня забрали из гимназии по причине моей полной бездарности к наукам. Потом нам с сестрами нанимали домашнего учителя, но он тоже был добрый и сек нас розгами крайне редко. И вот теперь, когда мне минуло шестнадцать, вдруг такая оказия. Я опять оказалась в папенькином кабинете, с голой задницей, виноватая в преступном падении своих моральных устоев. Отец снова хлестнул меня по попе, и я заревела.

- Рев-рев, распутница! - говорил отец, продолжая пороть мои ягодицы, - Вот я матери скажу, что я тебя в саду под гусаром видел... она тебе после бани березовой каши пропишет, по твоим голым телесам, бесстыдница этакая! Ишь что задумала, после бала с офицером в траве валяться! Уж я тебя!!

- Папенька, простите!! - завопила я, и обняла ноги отца своими руками.

- Михал Иванович, что у вас тут за крики? - в дверь кабинета заглянула моя маменька.

- Да вот, одну из наших девиц обучаю ремешком по заднему месту... - пояснил папенька, на минуту приостанавливая порку.

- За что вы ее так? Софи, ты что сделала? - ахнула маменька.

- А вот расскажи теперь матери, что ты отчубучила в саду под яблонями, с самого утра? - предложил мне папенька, снова хлопая меня ремнем.

- Я с Петром Петровичем на звезды любовалась... - сказала я застенчиво, не смея раскрывать маменьке наших с графом любовных утех.

- Ага! Любовалась она на звезды! С голым задом она на звезды любовалась, пока лежала под каким-то гусаром, который наяривал ее во всю ивановскую! - объяснил отец, и снова наподдал мне ремня по попе.

- Розог ей надо за блуд, да за оголение своей задницы перед чужим офицером! - решила маменька, - Завтра в баню пойдем, я ее там и высеку, чтоб неповадно было! - пугала меня маменька. Я плакала. Из коридора в кабинет отца заглядывали мои сестры, Полина и Клавдия, близнецы:

- Что Сонька сделала? - спрашивали они, увидев, что меня стегают по заднице.

- Не вашего ума дело, пигалицы! - пуганула их маменька, - Марш отсюда в свою комнату!

- Нет, пусть войдут! - решил отец, - Пусть видят, что бывает молодым девицам в случае непотребства и развращенного поведения!

Краем глаза я видела, как мои сестры зашли и остановились на пороге, с ужасом и с любопытством глядя на то, как меня наказывают. Мои сестры были младше меня на три года, они были близнецами, которых трудно было различить по внешности, так они были похожи. Для них, я была непререкаемым авторитетом. Я носила самые пышные платья, ездила на балы, танцевала там с кавалерами. И вот теперь, мой авторитет пал так низко, что хуже и нельзя было представить. Меня, как маленькую пятилетнюю девчонку, стегали ремнем по голой попе. Я завывала пуще прежнего. И тут на пороге папенькиного кабинета показался дворецкий.

- Там какой-то барин изволили приехать... - доложил он, нерешительно.

Моя матушка ушла посмотреть, что еще за барин пожаловал с утра пораньше. Папенька хлопнул меня ремнем еще два раза, но потом сжалился и разрешил мне встать. Сестры помогли мне поправить платье, а папенька дал мне свой носовой платок и сказал: «Сморкайся!» Пока я сморкалась и вытирала глаза, в кабинет отца вернулась маменька.

-Быстро иди умойся... - сказала она мне, - тут какой-то друг Васеньки, граф Астахов приехал, он просит твоей руки...

Глава 3

Когда мы вышли на веранду, Петр Петрович стоял рядом с обеденным столом и разговаривал с моим братом. Он был в студенческой фуражке и куртке, так что отец не признал в нем того гусара, что лежал со мной в обнимку под яблоней. А если и узнал, то виду не подал. Надо сказать, Петр Петрович всегда был в фаворе абсолютно у всех, как женщин, так и мужчин. Его яркие голубые глаза и безупречные манеры зачастую вводили его в те заоблачные сферы, куда людям с более скромными внешними данными вход был бы строго воспрещен. Вот и теперь, меня сосватали ровно за пять минут. Узнав, что Петр Петрович принадлежит к роду Астаховых, и что я буду, безо всякого сомнения, жить в трехэтажном особняке с окнами на Язу, все принялись меня поздравлять и наперебой желать мне счастья. Только Петр Петрович, увидев меня с красным носом и слегка зареванную, удивленно спросил:

-Софи! Софи? Что с вами случилось?!

Я не стала говорить ему, что в краткий момент нашей разлуки папенька успел выдрать меня ремнем по заднице. Я скрыла этот позорный факт от своего нового жениха, и только сказала ему, томно:

- Петенька, я так по вам скучала, что вот даже расплакалась... Невыносимо одиноко было мне без вас, дорогой мой...

Петр Петрович радостно мне улыбнулся и тоже подтвердил, что и ему без меня стало вдруг так одиноко, что он немедленно вернулся ко мне с предложением руки и сердца. Мой отец был на седьмом небе от счастья: граф Астахов с сыновьями были благосклонно приняты при дворе, и царская семья не раз обедала с семьей Астаховых в особняке на Язу, где теперь должна была поселиться и я. Только матушка моя, когда мы мылись в бане, сказала мне, почти с досадой:

-Учти, Софочка, выходишь замуж за красавчика, легкой жизни не жди...

Так сказала мне маменька, и вдруг хлестнула меня веником по попе, да так больно, что я чуть не взвыла.

В день свадьбы, все было просто великолепно. Огромный розовый особняк Астаховых был битком набит гостями, среди которых преобладали военные в эполетах и чиновники государственной службы в мундирах. Дамы были в роскошных бальных нарядах, звуки вальса не замолкали до полуночи. Среди присутствующих мое внимание привлекли два молодых человека чуть старше меня, один из них был в студенческой фуражке и куртке, другой - в форме военного. Первый из них сидел за столом со стороны жениха, то есть Петра Петровича, и как-то мечтательно на меня поглядывал. Второй, тот, что в форме, кружил в вальсе то одну даму, то другую. Однако, возвращаясь к столу, он тоже как-то странно на меня посматривал. Молодые люди временами о чем-то тихо переговаривались, не спуская с меня глаз. Я уже знала, что это - родственники жениха, только вот не запомнила, то ли это были его братья, то ли кузены. Одного из них, как мне сказали, звали Иван, а второй был Феликс. По виду, им были не более двадцати. Иван был чуть повыше, чем Феликс, у него были серьезные серые глаза, которые он несколько презрительно шурил, разглядывая танцующих. Феликс был гораздо шире в плечах, чем Иван, и ему очень шла военная артиллерийская форма. Он почти ничего не ел, но зато я постоянно видела его среди танцующих, то с одной дамой, то с другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.